

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

**ХРОНИКИ
ЧЕРНОГО ОТРЯДА**

Черный Отряд
Замок Теней
Белая Роза

**КНИГИ ЮГА
ХРОНИКИ
ЧЕРНОГО ОТРЯДА**

Игра Теней
Стальные сны
Серебряный клин

ГЛЕН КУК

К·Н·И·Г·И
ЮГА

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

- ИГРА ТЕНЕЙ • СТАЛЬНЫЕ СНЫ •
- СЕРЕБРЯНЫЙ КЛИН •

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 89

Glen Cook
BOOKS OF THE SOUTH: TALES OF BLACK COMPANY
SHADOW GAMES
DREAMS OF STEEL
THE SILVER SPIKE

Copyright © 2008 by Glen Cook
All rights reserved

Перевод с английского
Геннадия Корчагина, Дмитрия Прияткина, Дмитрия Старкова

Серийное оформление и оформление обложки
Виктории Манацковой

Иллюстрации Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Рэймонда Свонланда

ISBN 978-5-389-11478-4

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2018
© Д. А. Прияткин, перевод, 2018
© Д. А. Старков, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ИГРА
ТЕНЕЙ

*Посвящается Гарриет Макдугал, чьи ласковые руки
вывели Костоправа и Черный Отряд из Тьмы*

*И с глубочайшей признательностью —
Ли Чайлдсу из Северного Голливуда
за исторические исследования и ценные предложения*

Распутье

На перекрестке нас осталось семеро. Мы оцепенело наблюдали за пылью, клубившейся по восточной дороге.

Необратимость случившегося даже неугомонных Одноглазого с Гоблином парализовала почти на час. Под Маслом заржала лошадь. Успокаивая, он прикрыл ей ноздри ладонью и другой рукой потрепал по холке. Настало время раздумий. Эпоха закончилась — мы достигли ее последней эмоциональной вехи.

Но вот и пыль исчезла из виду. Они ушли. Запели птицы, забыв о том, что мы все же остались. Я вынул из седельной сумы истрепанную тетрадь, уселся на дороге. Дрожащей рукой написал:

Это конец. Мы разделились. Молчун, Душечка и братья Вертуны держат путь к Лордам. Черного Отряда больше нет.

Однако я продолжу вести Анналы — хотя бы по той причине, что привык это делать за двадцать пять лет и ломать такие привычки трудно. И потом, как знать? Те, кого я обязан вести за собой, могут найти мой отчет интересным. Хоть сердце и остановилось, тело еще ковыляет вперед. Фактически Черный Отряд мертв, но его имя живо.

А уж мы-то, видят жестокосердные боги, на собственной шкуре испытали магушество имен.

Я убрал тетрадь в седельную суму.

— Ладно, что случилось, то случилось. — Стряхнув пыль со штанов, я бросил взгляд на нашу собственную дорогу в завтрашний день. Гряда низких холмов с хохолками зарослей тут и там казалась сплошной зеленой изгородью. — Начинается поиск. До темноты успеем покрыть первую дюжину миль.

И останется их еще семь или восемь тысяч.

Я оглядел моих товарищей.

Одноглазый — колдун, сморщенный и черный, будто пыльная сушеная слива, — старше всех на добрых сто лет. Он носит повязку на глазу и широкополую шляпу из черного фетра. Шляпа, судя по виду, претерпела в жизни бесчисленные невзгоды, однако стойко вынесла все мыслимые и немыслимые унижения.

Так же, как и Масло, самый обыкновенный человек. Он сто раз был ранен, однако не умер и уже почти уверился в особом благоволении богов к его персоне.

Обочь Масла — Крутой, еще одна ничем не примечательная личность. И еще один потрясающий пример живучести. Надо же, слезы навернулись на глаза...

Теперь Гоблин. Что можно сказать о нем? Гоблин — он и есть Гоблин, прозвище объясняет все и в то же время ничего. Это наш второй колдун, маленький и вздорный; запрети ему вечную грызню с Одноглазым, и он тут же свернется калачиком да испустит дух. Видели когда-нибудь лягушачью улыбку? Это Гоблин ее изобрел.

Мы, пятеро, вместе уже двадцать с лишком лет, вместе состарились и, пожалуй, знаем друг друга даже чересчур хорошо. Мы конечноности умиряющего организма. Последние из могучих, великолепных, легендарных... Боюсь, сейчас, с нашим разбойничьим обликом, совершенно недопустимым для лучших в мире солдат, мы позорим память Черного Отряда.

И еще двое. Двадцативосьмилетний Мурген, которого Одноглазый иногда зовет Щенком. Самый младший из нас. Присоединился к Отряду во время нашего бегства из империи. Многопечальный тихоня, неразговорчив, нет у него в жизни ничего и никого, кроме Отряда, но даже в Отряде он одинок — чужой среди своих.

Как и все мы. Как и каждый из нас.

И наконец, Госпожа. Настоящая Госпожа, заблудшая Госпожа, прекрасная Госпожа, плод моего воображения, мучение мое. Еще молчаливее Мургена, но тут случай другой — отчаяние. Когда-то она владела всем. И проиграла. И теперь у нее нет ничего.

Ничего действительно стоящего.

Холодный ветер развеял пыль на дороге к Лордам. Несколько дорогих товарищей ушли из моей жизни навсегда.

Торчать здесь нет никакого резона.

— Проверить сбрую! — С этими словами я, подавая пример, подтянул ремни на выючных животных. — На конь! Одноглазый, поедешь впереди.

Наконец-то хоть намек на оживление — Гоблин тут же окрысился:

— Чтобы мне глотать вашу пыль?!

Если Одноглазый едет первым, значит Гоблин — замыкающий. Наши колдуны — наездники аховые, но они весьма полезны. Когда один прикрывает фронт, а другой — тыл, мне куда спокойнее.

— Да вроде его очередь или нет?

— Такие дела, как это, не нуждаются в соблюдении очередности. — Гоблин хотел выдать смешок, но хватило его только на усмешку — эдакое жалкое подобие всегдашней жабьей.

Столь же вялой оказалась и реакция Одноглазого. Он тронулся вперед без всяких комментариев.

Следом, ярдах в пятидесяти, ехал Мурген. Его копые, в двадцать футов длиной, торчало прямо вверх. Некогда на этом копые развевалось наше знамя. Теперь с древка свисают четыре фута рваной черной тряпки. Сплошная символика на разных смысловых уровнях.

Впрочем, нам и так известно, кто мы. И лучше бы другим этого не знать. Слишком много врагов у Отряда.

За Мургеном тронулись Крутой с Маслом, ведя на поводу вьючных. Далее — Госпожа и я, тоже с вьючными. Ярдах в семидесяти за нами — Гоблин. Только таким образом мы и путешествовали, воюя со всем белым светом. Разве что местами менялись.

Не помешали бы, конечно, головной дозор и фланговое охранение, однако возможности у семи человек весьма и весьма скромные. Ничего, зато колдунов у нас аж двое.

Я внушал себе, что мы, ошестиненные оружием, выглядим так же безобидно, как ежик — для лисы.

Восточная дорога скрылась из виду. Никто не оглядывался. Никто, кроме меня, — хотелось верить, что в сердце Молчуна не совсем погас былой огонек. Напрасная надежда. Выражаясь эмоционально, наши пути разошлись много месяцев назад, на залитом кровью, пропитанном ненавистью поле битвы в Курганье. Там мы с Молчуном и Душечкой спасли мир, но все остальное было потеряно. По поводу заплаченной цены можно гадать до конца жизни. У разных судеб разные пути...

— Костоправ! — окликнула Госпожа. — Похоже, дождь.

Ее замечание изумило меня. Нет, оно в точности соответствовало истине — дождик накрапывал. Просто это было первое высказанное ею наблюдение с того ужасного дня в северных краях. Может, наконец-то оживает?

Дорога на юг

— Чем дальше идем, тем больше на весну похоже, — заметил Одноглазый.

Он пребывал в добром расположении духа.

Чуть позже и в глазах Гоблина появился озорной блеск. Скоро эта парочка отыщет повод возобновить старинную вражду. Тут-то и полетят колдовские искры! Оно и ладно — остальные тоже развлекутся.

Даже у Госпожи улучшилось настроение. Правда, от этого она не стала разговорчивей.

— Конец привалу, — сказал я. — Масло, гаси костер. Гоблин, ты — авангард.

Я взглянул на дорогу. Недели через две доберемся до Чар. Я еще не разъяснил товарищам, чем мы там будем заниматься.

Вдали над дорогой кружили канюки. Мертвечина, значит, там, впереди...

Знаменый и примет я терпеть не могу. Заставляют беспокоиться. Эти птицы меня тревожили.

Я указал взглядом вперед. Гоблин кивнул:

— Разберусь.

— Действуй.

Мурген поехал следом за Гоблином, ярдах в пятидесяти. Дав ему удалиться, тронулись и Масло с Крутым. А вот Одноглазый едва не дышал в затылок нам с Госпожой, привстав в стременах, чтобы не выпустить Гоблина из виду.

— Нехорошие у меня предчувствия, Костоправ, — сказал он. — Ох нехорошие...

Хоть Гоблин и не забил тревогу, Одноглазый оказался прав. Стервятники означали беду.

На обочине, перевернутая вверх колесами, лежала роскошная карета. Две из четырех лошадей валялись в колеях. Умерли, похоже, от ран. Двух других видно не было.

Карету окружали тела шести охранников в мундирах, кучера и верховой лошади. В карете находились мужчина, женщина и двое совсем маленьких детей. Все убиты. Дверца была украшена затейливой работы гербом.

— Крутой, — сказал я, — займись следами. Выясни, что здесь произошло. Госпожа! Ты их не узнаёшь? Герб не знаком?

— Сокол на парапете — герб проконсула империи. Но проконсула нет среди трупов. Он старый и жирный. Должно быть, это его семья.

— Направлялись на север, — сказал Крутой. — На них напали разбойники. — Он продемонстрировал клок грязной одежды. — Но добыча досталась им нелегко.

Я не ответил, и тогда он попросил приглядеться к тряпке.

— Серые, значит, — задумчиво протянул я. Серую форму носили северные имперские войска. — Далековато их занесло.

— Дезертиры, — сказала Госпожа. — Начался распад.

— Похоже на то.

Плохо дело. Я-то надеялся, что империя продержится и даст нам время начать новую жизнь.

— Три месяца назад невинная девушка спокойно могла проехать через всю империю в одиночку.

Госпожа преувеличила, но лишь самую малость. До битвы в Курганье великие силы, в этой самой битве и polegшие, держали провинции под неусыпным наблюдением, и всякие недозволенные проступки пресекались Взятыми быстро и беспощадно. Однако в любой стране, в любой эпохе найдутся люди, достаточно смелые либо глупые, чтобы пробовать законы на прочность, подавая дурной пример другим. И едва империя перестала цементировать народы ужасом, процесс пошел лавинообразно.

Оставалось надеяться, что убитых еще не хватились. Мои планы строились на том, что порядки в этих краях не успели сильно измениться.

— Копаем могилу? — спросил Масло.

— Минутку. Крутой, давно это случилось?

— Пару часов назад.

— И больше никто не проезжал по дороге?

— Почему же, проезжали. Мимо, не задерживаясь.

— Хороша банда, — буркнул Одноглазый, — если не боится разбрасывать трупы на виду у всех.

— Или, наоборот, оставили нарочно, — возразил я. — Может, разбойники желают обосноваться здесь, завоевать себе баронство.

— Возможно, — согласилась Госпожа. — Будь осторожен в пути, Костоправ.

Я недоуменно приподнял бровь.

— Не хочу тебя потерять.

Одноглазый гоготнул. Я покраснел. Однако хорошо уже то, что в ней пробуждается интерес к жизни.

Тела мы захоронили, но карету не тронули. Дань цивилизации отдана, и пора ехать дальше.

Часа через два Гоблин вдруг поскакал обратно. Мурген остановил коня на повороте, у нас на виду. Ехали мы лесом, но дорога была в хорошем состоянии, деревья по обочинам вырублены. Она явно предназначалась для перемещения войск.

— Впереди постоялый двор, — сообщил Гоблин, — и веет от него чем-то... нехорошим.

Близилась ночь. Вечер мы потратили на погребение трупов.

— Есть там кто живой?

По дороге мы не видели никого. Фермы возле леса были брошены.

— Полно! Двадцать человек в гостинице, пятеро на конюшне. Тридцать коней. Еще двадцать человек в лесу неподалеку. И сорок лошадей на выпасе. И прочей скотины — кишмя.

Итак, выбор небогат: уйти от греха подальше или очертя голову броситься навстречу опасности.

Обсуждали положение недолго. Масло с Крутым хотели ехать вперед. Если, мол, что не так, у нас есть Одноглазый с Гоблином.

Последним эта идея не слишком понравилась.

Тогда я поставил вопрос на голосование. Мурген и Госпожа поддержались. Масло с Крутым были за ночлег на постоялом дворе. Одноглазый же с Гоблином все косились друг на друга — когда один выскажется, второй тотчас возьмет противную сторону. Я принял решение:

— Ладно, едем и ночуем. Эти шуты проголосуют по-разному, но все равно большинство за...

Наши колдуны немедленно проголосовали «за» — только для того, чтобы выставить меня лжецом.

Через три минуты впереди появился обветшавший постоялый двор. В дверях, изучающе глядя на Гоблина, торчал какой-то мрачный тип. Другой такой же восседал в расшатанном кресле, прислоненном спинкой к стене, и пожевывал не то соломинку, не то щепку. Стоявший в дверях отодвинулся, пропуская нас.

Крутой назвал тех, чью работу мы видели на дороге, серыми. Но серый мундир носят как раз там, откуда мы прибыли. И я спросил того, что в кресле, на форсбергском, самом употребительном в северных войсках:

— Постояльцев принимаете?

— Ага.

Глаза сидящего сузились. Он явно что-то прикидывал.

— Одноглазый, Масло, Крутой, позаботься о лошадях! — И мягенько: — Гоблин, ты что-нибудь почуял?

— Кто-то вышел с заднего хода. Внутри все встали. Но начнется, пожалуй, не сейчас.

Сидящему в кресле не понравились наши перешептывания.

— Вы надолго? — спросил он.

Тут я углядел татуировку на запястье — еще один верный признак северянина.

— До завтра.

— У нас переполнено, но уж как-нибудь вас устроим.

Однако нахальства ему не занимать...

Дезертиры похожи на тарантулов. Постоялый двор — их гнездо, здесь они решают, на кого напасть. Но всю грязную работу проделывают на дорогах.

Внутри царил тишина. Войдя, мы увидели мужчин и нескольких женщин уж очень затасканного вида. И выглядели эти люди здесь чужими. Обычно придорожные гостиницы — семейные предприятия, в них полно детишек, стариков и прочего народу всех промежуточных возрастов. Здесь — ничего подобного. Только крепко сбитые мужики и дамы определенного сорта.

Неподалеку от двери в кухню стоял большущий свободный стол. Я сел, привалившись спиной к стене. Рядом плюхнулась Госпожа. Эге, да она в ярости! Не привыкла, чтобы на нее вот так бесцеремонно пялились.

Госпожа сохранила свою красоту даже в походном тряпье под слоем дорожной пыли...

Я положил руку поверх ее кисти — жест скорее умиротворения, нежели владения.

Затравленно глядя коровьими глазами, пухленькая девчушка лет шестнадцати подошла спросить, сколько нас, какая еда нам нужна и какое жилье, греть ли воду для мытья, надолго ли останемся и какого цвета наши монеты. Вопросы она задавала правильные, но не было в ее голосе интереса, только боязнь совершить случайную ошибку.

Интуиция моя определила ее как члена семейства, по праву владевшего постоянным двором. Я бросил ей золотой. Этого добра у нас после разграбления имперской казны и бегства из Курганья хватало. Блеск кувыркающей монеты отразился в глазах мужчин, изо всех сил старавшихся наблюдать за нами незаметно.

Тут подоспел Одноглазый с остальными, тащившими стулья для себя.

— Там, в лесу, суматоха! — шепнул Гоблин. — У них кое-какие планы насчет нас.

Левый угол его рта растянулся в лягушачьей ухмылке. Очевидно, у Гоблина имелись собственные планы. Он любил устраивать так, чтобы враги попадали в ими же подготовленную засаду.

— Разные бывают планы, — сказал я. — Если это бандиты, пускай перевешают друг друга.

Гоблин попросил растолковать — порой мои замыслы еще отвратительнее его собственных. Это оттого, что я давно утратил чувство юмора и следую правилу: чем грязнее, тем смешнее.

Поднялись мы еще до рассвета. Одноглазый с Гоблином наложили на гостиницу свое любимое заклятие, повергающее всех в непробудный сон, и по-тихому смылись, чтобы в лесу прорепетировать представление. Остальные занялись лошадьми и амуницией. Между мной и Госпожой имела место небольшая стычка: она желала, чтобы я сделал что-нибудь для женщин, захваченных разбойниками.

— Если я буду исправлять все неправильное, что встречу на пути, мы не доберемся до Хатовара, — отвечал я.

Она не стала продолжать спор, и через несколько минут мы тронулись в путь.

Одноглазый сказал, что лес вот-вот кончится.

— Ладно, это место ничем не хуже прочих, — согласился я.

Мы с Мургенем и Госпожой укрылись в зарослях к западу от дороги, Крутой, Масло и Гоблин — к востоку. Одноглазый просто развернулся. Ничего явного он не предельвал, просто ждал.

— А если не приедут? — спросил Мурген.
— Значит, мы ошиблись — они не бандиты. С ближайшим попутным ветром пошлю им мои извинения.

Некоторое время все хранили молчание. Выехав на дорогу, чтобы узнать ситуацию, я увидел, что Одноглазый уже не один. За его спиной выстроились с полдюжины всадников. У меня защемило сердце. Эти фантомы были мне хорошо знакомы. Они изображали старых товарищей, давно погибших.

Я ретировался в лес. Мое потрясение было, против ожиданий, слишком сильным. Настроение отнюдь не улучшилось. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь полог леса, играли зайчиками на доспехах моих мертвых друзей. Они ждали врага со щитами и с копьями наготове, безмолвно, как и подобает призракам.

Но они были призраками лишь для тех, кто знал об умении Одноглазого создавать иллюзии. А Гоблин по другую сторону дороги строил собственный легион теней.

Эта парочка — настоящие художники, когда у них есть время для спокойной работы. Хоть и неровня они Госпоже, но все равно знатные чародеи.

— Скажут, — без всякой надобности сообщил я, услышав топот копыт.

В желудке засосало. Стоит ли рисковать, подпуская врагов так близко? Потом будет поздно стрелять. Если они решатся на драку... и если Одноглазый с Гоблином оплошают...

— Поздно дискутировать, Костоправ.

Я взглянул на Госпожу — и мигом вспомнил, кем эта женщина была раньше. Она улыбалась, зная, что творится в моих мыслях. Сколько же раз ей вот так приходилось рисковать, причем на игральных досках не чета нынешней?

Разбойники мчались по дороге. И осадили лошадей в замешательстве, завидев поджидающего их Одноглазого.

Я поехал вперед, а призрачные кони двинулись сквозь лес следом за мной. Зазвенела сбруя, затрещали ветви. Здорово сработано, Одноглазый. Жизненно, как ты говоришь.

Бандитов было двадцать пять. И так физиономии бледные от страха — краше в гроб кладут, а тут они сделались еще бледнее: дезертиры углядели Госпожу и узнали призрачное знамя на копье Мургена.

Черный Отряд весьма знаменит.

Изогнулись две сотни несуществующих луков. Пятьдесят рук вскинулось, словно в попытке уцепиться за брюхо неба.

— Вам, полагаю, следует спешиться и разоружиться, — сказал я предводителю.

Тот некоторое время шумно глотал воздух, прикидывая шансы, затем подчинился.

— А теперь вы, подонки. Живо с седел!

Разбойники повиновались. Госпожа властно махнула рукой, лошади развернулись и зарысили к Гоблину — на самом деле ими управлял он. Гоблин пропустил лошадей — пусть вернутся на постоялый двор в ознаменование того, что гнету конец.

Гладко шло, ох и гладко! Без единой задоринки! Вот так мы управлялись с делами в былые деньки. Хитрость и маневр! Зачем рисковать и надрываться, когда можно мухлевать и надувать?

Построив пленных вереницей и связав веревкой для упрощения конвоирования, мы направились на юг. Одноглазый с Гоблином расслабились, и разбойники пришли в крайнее возбуждение. Посчитали, что мы поступили нечестно.

Через два дня мы добрались до Жилета. Здесь Гоблин с Одноглазым снова повторили свою масштабную иллюзию, и Госпожа отдала дезертиров на суд гарнизона. По дороге пришлось убить только двоих.

Все это ненадолго задержало нас, но теперь путь свободен, и до Чар около часа езды. Надо смириться с тем, что беда — ближе некуда.

Мои товарищи уверены, что большинство Анналов — у меня. А правда в том, что они остались в руках империи. Их захватили у моста Королевы — и то поражение все еще отзывается в душе болью. Перед заварухой в Курганье мне обещали их вернуть.

Эта самая заваруха и помешала. Ничего другого не остается, как возвращать Анналы самому.

Таверна в Таглиосе

Плетеный Лебедь поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Девчонки хихикали, подбивая друг дружку пощупать его светложелтую шевелюру. Одна, с самыми многообещающими глазами, наконец решилась провести пальцами по кудрям. Плетеный Лебедь подмигнул Корди Мэзеру, сидевшему у противоположной стены гостиной.

Вот жизнь-то пошла с тех пор, как поумнели отцы и братья этих малюток! Не жизнь, а сказка, мечта любого мужчины. Сдобренная, правда, смертельным риском — добираться сюда ох как непросто. Если так пойдет и дальше, если Лебеда не застукают, он вскоре будет весить фунтов четыреста — самый счастливый бездельник в Таглиосе.

И кому бы пришло в голову?.. Заурядная таверна в простодушном городке. Дыра в стене, каких на родине полно на каждой улице, здесь — нечто небывалое. Тут и не захочешь, а озолотишься. Если только местные жрецы не раскачаются и не начнут совать палки в колеса...

Само собой, Лебедь и его подельники — чужестранцы, то есть экзотика, на которую не устает дивиться весь город, в том числе и жрецы со своими выводами. А особенно любопытны смуглые жрецовы дочки. Это здорово помогает в делах.

Путешествие было долгим и трудным, и раньше оно казалось безумной авантюрой. Но теперь каждый пройденный шаг окупается с лихвой.

Лебедь сложил руки на груди, предоставив девушкам делать что захотят. Ничего, он потерпит.

Корди тем часом откупорил очередной бочонок зеленого пива, горького, третьесортного, — сам же и сварил. И за эту дрянь тагли-

осские олухи платят втридорога! Что же за место такое, если до прибытия Мэзера здесь пива не пробовали? Глухомань! Просто находка для парней без особых талантов, но с шилом в заднице.

— Слышь, Лебедь, — сказал подошедший с полной кружкой Корди, — ежели и дальше так пойдет, надо будет нанять для меня помощника. Запасов только на пару дней хватит.

— Зря беспокоишься. Долго ли продержится твоя пивоварня? Что-то жрецы зашевелились. Найдут повод и прихлопнут наш бизнес. Пора подумать о другом дельце, тоже прибыльном. Ну что?

— Что — «ну что»?

— Почему ты вдруг помрачнел?

— В наши двери только что впорхнула черная птица рока.

Лебедь поспешил оглянуться. Так и есть, возвратился Нож — высокий, поджарый, чернующий. Бритая голова блестит, мускулы так и играют... Ни дать ни взять ожившая отполированная статуя.

Нож окинул зал неодобрительным взглядом, подошел и уселся за стол Лебеда. Девчонки принялись строить глазки ему — он был не менее экзотичен, чем Плетеный Лебедь.

— Пришел забрать свою долю и сказать, какие мы мерзавцы, что развращаем невинных детей? — поинтересовался Лебедь.

Нож отрицательно покачал головой:

— У старикашки Копченого снова были видения. Ты нужен Бабе.

— Вашу мамашу! — Лебедь спустил ноги на пол. Вот же ложка дегтя! Баба никогда не оставит их в покое. — Опять! Он что, гашиша пыхнул?

— Он же колдун. То есть по натуре сволочь. Ему не надо ничего курить, чтобы стать невыносимым.

— Вашу мамашу! — повторил Лебедь. — Как думаешь, может, просто слинять? Сбыть поскорее крысиную мочу, что Корди наварил, и двинуть назад, вверх по реке?

Нож медленно расплылся в ухмылке:

— Поздно, парень. Ты на крючке, теперь не сорвешься. Копченый шутом бы выглядел, открой он лавочку в твоих родных краях, но здесь он большой человек и главный торговец дурью. Пустишься в бега — поймают и ноги узлом завяжут.

— Это официальное предупреждение?

— Мне ничего такого не говорили. Но явно имели в виду.

— Что ему приснилось? Мы-то при чем?

— Хозяева Теней. Снова. Он сказал, у Тенелова было большое толковище. Они решили: хватит болтать, пора действовать. Копче-

ный сказал, что Лунотень услышал призыв. Копченый обещал, что мы увидим их на таглиосской земле, и очень скоро.

— Эка новость! Он нам эти песни чуть не с первого дня поет.

С лица Ножа сошло все веселье.

— Теперь дела уже не те. Пугать можно по-разному, понимаешь? На этот раз и Копченый, и Баба говорили серьезно. Теперь их волнуют не только Хозяева Теней. Просили тебе передать, что сюда направляется Черный Отряд. Сказали, ты в курсе, что это означает.

Лебедь крикнул, словно от крепкого удара в живот. Поднявшись на ноги, он залпом осушил принесенную Корди кружку и оглядел помещение с таким видом, будто не мог поверить глазам.

— Нож, я ничего глупее в жизни не слышал! Черный Отряд? Идет сюда?

— Сказали, весть дошла и до Хозяев Теней. И совершенно им не понравилась. Здесь, в низовьях, единственная свободная страна к северу от них. И ты знаешь, кто противостоит Тенелову.

— Не верю! Это же в какую даль переться Черному Отряду?

— Вы с Корди прошли почти столько же.

Нож присоединился к Лебедю и Корди Мэзеру после того, как те преодолели около двух тысяч миль в южном направлении.

— Ну да. Ты, Нож, мне вот что скажи. Кому, кроме нас с тобой да Корди, взбредет в дурную башку тащиться на край света без всякой на то причины?

— Причина у Отряда имеется. Если верить Копченому.

— И какая же?

— Не знаю. Сходи к Бабе, раз она зовет. Может, объяснит.

— Схожу. Все вместе сходим. Так, для виду. А при первой же возможности рвем когти. Ежели Хозяева Теней взбаламутились да Черный Отряд сюда идет, я поблизости от Таглиоса находиться не желаю.

Нож откинулся назад, чтобы одна из девушек смогла прижаться к нему поплотнее. В глазах у него было недоумение.

— Я еще дома видел, — сказал Лебедь, — на что эти вояки способны. Помню, как они дрались за Розы, — ох и досталось же городу.. Поверь, Нож: у них очень дурная слава. Если они и вправду сюда явятся, ты пожалеешь, что мы тогда не дали крокодилам тобою закусь.

Нож так до сих пор и не понял, за что его бросили крокодилам. А Плетеный Лебедь, пожалуй, никогда не поймет, почему уговорил Корди вытащить Ножа и взять с собой. Хотя Нож оказался парнем правильным, из тех, кто платит свои долги.

— Лебедь, я считаю, ты обязан помочь местным, — сказал Нож. — Мне нравится этот город. Мне нравятся здешние люди. У них только один недостаток: ума маловато. Иначе давно сожгли бы все храмы.

— Нож, черт тебя возьми, ну какая от меня помощь?

— Здесь только вы с Корди хоть что-то смыслите в военном деле.

— Я провел в армии два месяца. Даже в ногу шагать не выучился. А Корди сыт службой по горло. Мечтает забыть ее, как страшный сон.

Подошел Корди, услышавший большую часть беседы:

— Нет, Лебедь, все не так уж плохо. Правому делу я послужить не прочь. Просто в тот раз оказался не на той стороне. Я считаю, Нож дело говорит. Мне тоже нравится Таглиос. И народ тутошний. И я сделаю, что смогу, чтобы их не подчинили себе Хозяева Теней.

— Слышал, что он сказал? Про Черный Отряд?

— Ага. И еще слышал, что с тобой хотят поговорить об этом. И полагаю, мы должны пойти и выяснить, что происходит, а уже потом разевать рот и объяснять, чего не собираемся делать.

— Ладно, уговорил. Нож, ты остаешься: стереги дом. Ты здесь держи оборону. Рыжую не лапай, она моя. — Он направился к выходу.

— А ты, Нож, умеешь из Лебеда веревки вить, — ухмыльнулся Корди Мэзер.

— Если все пойдет так, как я думаю, уговаривать его не придется. Когда местные выйдут против Хозяев Теней, он будет в первых рядах. Таглиос и ему лег на душу, да только он в этом не признается, хоть режь его, хоть ешь.

— Твоя правда, — хмыкнул Корди Мэзер. — Он наконец нашел себе дом. И никто не сумеет выгнать его отсюда. Ни Хозяева Теней, ни Черный Отряд.

— Этот Отряд в самом деле настолько плох, как говорит Лебедь?

— Хуже. Много хуже. Вспомни все легенды, что слышал дома, прибавь все, что слышал здесь, да навоображай еще столько же, а что получилось, удвой — тогда, возможно, будет похоже на правду. Братья Черного Отряда во всех отношениях круты: решительные, бесстрашные, стойкие. И что хуже всего — хитрые. Такой хитрости тебе даже не представить. Отряд существует четыре или пять веков — никакое другое войско так долго не продержится. Если только оно не состоит из отъявленных мерзавцев, с которыми сами боги не хотят связываться.

— Мамаши, прячьте деток, — протянул Нож. — Копченый тоже хорош — нашел, что во сне видеть...

Корди помрачнел:

— Ага... Я слышал, самая несусветная дичь может стать правдой, если сначала привидится колдуну. Может, стоит Копченому глотку перерезать?

— Пожалуй, — сказал вернувшийся Лебедь, — надо сперва понять, что происходит, а уж потом действовать.

Корди хмыкнул. Нож усмехнулся. Затем они принялись выгонять из таверны местных олухов, но предварительно каждый договорился с одной — а то и не с одной — девицей о новой встрече.

Темная Башня

Пять дней я занимался сущей ерундой, а утром шестого, после завтрака, решил завести разговор о делах. Тему обрисовал в самых радужных красках:

- В следующий раз будем отдыхать в Башне.
- Чего-чего?!
- Костоправ, ты рехнулся?
- Надо за ним присмотреть, когда солнце сядет.

И понимающие взгляды в сторону Госпожи. Та сидела с отсутствующим видом.

- Я-то думал, это она едет с нами. Никак не наоборот.

Только Мурген не присоединился ко всеобщему бурчанию. Славный он парень, этот Мурген.

Госпожа, конечно, уже знала, что нам необходимо побывать в Башне.

- Я серьезно, ребята, — сказал я.

А если я веду разговор серьезно, Одноглазый следует моему примеру.

- Зачем? — спросил он.

От этого вопроса я съежился.

- Чтобы забрать Анналы. Я оставил их у моста Королевы.

Мы тогда здорово влипли. И лишь благодаря тому, что были опытнее, отчаяннее и подлее, чем противник, смогли вырваться из имперского кольца. Ценой половины Отряда. Не до книг было...

- Я считал, они уже у тебя.

— Я просил их вернуть, мне сказали: приходи и забирай. Но в то время мы все были слишком заняты. Помнишь Властелина? Хромого? Пса Жабодава? И все прочее? Не было ни малейшей возможности добыть Анналы.

Госпожа подтвердила мои слова кивком. Пожалуй, и впрямь к ней возвращается прежний дух.

Гоблин изобразил самую свирепую гримасу, на какую был способен. Сделался похож на саблезубую жабу.

— Получается, ты об этом знал еще до ухода из Курганя?

Я не стал отпираться.

— Ну ты и козлина! Голову даю, все это время ты стряпал дурацкий план насчет Анналов. При выполнении которого все мы сложим голову.

Я признал, что и это недалеко от истины.

— Мы въедем туда нагло, так, словно Башня наша. Твоя задача — убедить гарнизон, что Госпожа все еще главная.

Одноглазый фыркнул и затопал к лошадям. Гоблин поднялся на ноги и сверху вниз воззрился на меня. Посмотрел-посмотрел... и ухмыльнулся.

— Значит, въедем и захватим? Как говаривал Старик, удача любит наглых.

Но того, о чем думал, не высказал. Однако Госпожа ответила ему:

— Я дала обещание.

И Гоблин заткнулся. Больше никто с вопросами не лез, поэтому Госпожа закрыла тему.

Конечно, ей ничего не стоит нас перехитрить. Вот сдержит слово, а после съест на завтрак всю нашу компанию. Если захочет.

Мой план был построен исключительно на доверии к ней. Товарищи моей веры в Госпожу не разделяли.

Однако они — хоть это, быть может, и глупо — верили в меня.

Башня в Чарах — величайшее одиночное строение в мире. Гладкий черный куб со стороны пятьсот футов. Первый проект, начатый Госпожей и Взятыми после их возвращения из могилы, случившегося множество поколений назад. Из этой Башни Взятые отправлялись в поход, чтобы собрать громадные армии и завоевать мир. Ее тень и ныне покрывает половину стран, и лишь немногие знают, что сердце и кровь империи были принесены в жертву ради победы над силой куда более древней и темной.

С земли попасть в Башню можно было через единственные ворота. К ним вела дорога — идеально прямая, мечта геометра. Пролегала она через ухоженные парки, и поверить в то, что именно здесь произошла кровавейшая в истории битва, мог только тот, кто участвовал в ней сам.

Я был здесь в тот день. Я все помню.

Не забыли и Гоблин с Одноглазым, и Крутой, и Масло. Особенно Одноглазый. На этом поле он уничтожил чудовище, убившее его брата.

Я вспомнил грохот, и топот, и вопли ужаса, и все страсти, сотворенные военными колдунами, и не в первый раз подумал:

— Мертвы ли эти твари на самом деле? Слишком легко умирали...

— О ком ты? — поинтересовался Одноглазый, которому для того, чтобы очаровывать Госпожу, вовсе не нужно было напрягаться.

— О Взятых. Порой вспоминаю, каких трудов стоило отделаться от Хромого, вот и задаюсь вопросом: как случилось, что целая толпа Взятых полегла за пару дней? И погибали они почти всегда не на моих глазах. Может, обманули? И сейчас два-три покойника бродят где-то поблизости?

— Костоправ, — пискнул Гоблин, — да ведь они действовали по шести разным планам одновременно! Сами же друг друга и...

— Однако я лично наблюдал гибель только двоих. И никто из вас, ребята, не видел, как испустили дух остальные. Только слышали. А если под шестью планами скрывался седьмой? А если...

Тут Госпожа как-то странно взглянула на меня. Похоже, она не задумывалась об этом раньше и теперь мои мысли вслух ей не понравились.

— По мне, так они вполне мертвы, — сказал Одноглазый. — Я видел уйму трупов. Да ты сам взгляни на могилы Взятых, они отмечены.

— Это еще не значит, что в могилах кто-то есть. Ворон дважды умирал на наших глазах, а отвернешься — он живехонек. Живее некуда.

— Если желаешь убедиться, Костоправ, — сказала Госпожа, — разрешаю тебе выкопать их и осмотреть.

Судя по выражению глаз, это она меня мягко пожурела. А может, даже поддразнила.

— Ладно. Как-нибудь на досуге, от нечего делать, полюбуюсь на эту тухлятину...

— Тьфу ты! — ругнулся Мурген. — Ребята, вы о чем-нибудь другом не могли бы?

Зря он это сказал. Масло заржал. Крутой запел что-то себе под нос. Масло в тон ему грянул:

Заползают червячки,
Выползают червячки,
И по рылу твоему
Шастают букашки...

Гоблин с Одноглазым подхватили. Тогда Мурген пригрозил всех переловить и облевать.

Мы старались отвлечься от мыслей о сгущающейся впереди тьме.

Одноглазый оборвал песню:

— Нет, Костоправ, никто из Взятых не смог бы тихо пролежать столько лет. Если бы хоть один выжил, тут бы такие фейерверки полыхали... Уж мы-то с Гоблином всяко что-нибудь услышали бы.

— Пожалуй, ты прав.

Однако он меня не убедил. Возможно, в глубине души я просто не желал, чтобы Взятые перевелись совсем.

Мы достигли пандуса, ведущего к воротам Башни. Тут она впервые подала признаки жизни. В верхних бойницах показались люди, разряженные точно павлины. Несколько человек вышли из ворот, суетливо устраивая церемонию встречи хозяйки. Завидев их одеяния, Одноглазый презрительно заулюлюкал.

В прошлый раз он себе ничего такого не позволял.

Я наклонился к его уху:

— Потихе. Мундиры для своих войск она сама придумала.

Оставалось лишь надеяться, что эти люди вышли встречать Госпожу и не замышляют ничего дурного. Все зависит от того, какие новости прибыли сюда с севера. Порой злые слухи летят быстрее ветра.

— Удача любит наглых, — сказал я. — Ничего не бойтесь, держитесь высокомерно. Не давайте им опомниться. — Глянув в темноту за воротами, я высказал догадку: — Они меня узнали!

— Это-то и пугает! — пропищал Гоблин и разразился кудахчущим смехом.

Башня заслонила собой весь мир. Мурген, увидевший ее впервые, глазел, разинув рот в благоговейном страхе. Масло с Крутым изо всех сил притворялись, что эта груда камней их ничуть не впечатляет. Гоблин с Одноглазым были слишком заняты, чтобы уделять ей внимание. Ну а Госпожа эту Башню сама же и построила, когда была личностью одновременно гораздо крупнее и гораздо мельче, чем сейчас. А я полностью сосредоточился на своей роли.

Полковник, возглавлявший делегацию, был мне знаком. Мы сталкивались, когда судьба приводила меня в Башню ранее. Взаимные наши чувства можно назвать в лучшем случае двойственными.

Он также узнал меня, чем был весьма озадачен. Ведь мы с Госпожой покинули Башню вместе, с того дня уже больше года прошло.

— Как поживаете, полковник? — спросил я, изображая дружелюбную улыбку. — Вот мы и вернулись. С победой.

Он взглянул на Госпожу. Я тоже покосился на нее. Теперь ее ход.

Она приняла наинадменнейший вид. Я мог поклясться, что она и есть дьявол, обитающий в этой Башне. Да ведь так и было. Раньше. Такие, как она, утратив могущество, не умирают. Кстати, а была ли утрата?

Похоже, она решила мне подыграть. Я глубоко вздохнул и на миг прикрыл глаза, а стража Башни тем временем приветствовала свою хозяйку.

Я доверял Госпоже, но... чужая душа — потемки. Особенно душа, потерявшая любую надежду.

Все-таки не исключено, что она вернет себе империю. Укроется в потайной части Башни и заставит подданных поверить, что она совсем не изменилась. Что ей мешает хотя бы попытаться?

Она может так поступить даже после того, как выполнит свое обещание и отдаст мне Анналы.

Мои товарищи уверены, что именно так и будет. Их страшит мысль о том, каким будет ее первый приказ в роли владычицы империи-призрака.

Содержание

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Книги юга

Игра Теней. <i>Перевод Д. Старкова</i>	5
Стальные сны. <i>Перевод Д. Прияткина</i>	277
Серебряный клин. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	581

Кук Г.

К 89 Хроники Черного Отряда. Книги юга : Игра Теней ; Стальные сны ; Серебряный клин : романы / Глен Кук ; пер. с англ. Г. Корчагина, Д. Прияткина, Д. Старкова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 880 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-11478-4

Когда надежда на победу потеряна, остается необходимость выжить.

Черный Отряд после кровопролитной битвы при Чарах отправляется на далекий таинственный юг, и за каждым его шагом следят сверхъестественные враги.

Лучшие в мире наемники — против Хозяев Теней, могущественных колдунов, которые знают с Тьмой и творят зло. Шайка авантюристов — в погоне за кладом, смертельно опасным не только для тех, кто до него доберется. И владычица громадной империи — в борьбе со своим чудовищным прошлым.

Игра начинается.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГЛЕН КУК

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Книги юга

ИГРА ТЕНЕЙ

СТАЛЬНЫЕ СНЫ

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛИН

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова,
Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.11.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 55. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

H-ZNF-19507-01-R